

© 1999 г.

Б.И. МАКСИМОВ

ШАХТЕРЫ, ВЛАСТЬ, НАРОД

МАКСИМОВ Борис Иванович - ст. научный сотрудник С.-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Социолог на Горбатом мосту

В июле 98-го года я провел несколько дней как социолог на Горбатом мосту среди участников многомесячного шахтерского пикета в Москве. Никто меня туда не направлял. Я сам считал, что здесь сейчас происходят важнейшие события, к которым не мог не приобщиться, как в свое время к первому съезду рабочих комитетов и ставшим уже историей заседаниям Межрегиональной депутатской группы. Часами разговаривал я с шахтерами из Воркуты, Инты, Кузбасса, Ростовской области, Сахалина, рабочими Автоваза и др.; слушал (и записывал) рассказы людей, как они выживают в депрессивных регионах, что привело их в Москву, на что они настроены, что хотели бы сказать стране, старался понять горняков и ситуацию в целом. Из многих индивидуальных (и групповых) интервью сложилось как бы одно коллективное интервью.

Первая часть статьи была написана, когда шахтеры стояли перед Домом правительства, вторая - когда пикет уже сняли. Первый текст писался с сочувствием, пафосом. Вначале у меня сложилось четкое представление о действиях шахтеров. Было желание донести их боль и решимость до общественности. После снятия пикета все запуталось. Появилось непонимание, даже недоумение. Дело в том, что заявленное горняками вначале расходится с концом пикета. Председатель НПГР, выступая по телевидению, заявил, что все цели пикета достигнуты. По моим материалам выходило, что это далеко не так. В ключе этого расхождения предстал пикет, когда шахтеры разъехались по домам. Появилось много вопросов, об ответах на которые оставалось только строить предположения. Затем я поговорил еще раз с организаторами акции, ознакомился с итоговыми документами. И появилось третье видение пикета.

В тексте сохранено трехслойное понимание действий горняков, ибо оно имеет определенное значение для восприятия пикета.

Достучаться до власти и до народа

Горняцкий пикет производил сильное эмоциональное впечатление. На Горбатый мост перед зданием правительства в первый раз я попал в момент, когда шахтеры стучали касками. Это надо увидеть и слышать на месте! Телевизионные изображения не передают силу непосредственного впечатления. Две сотни суровых мужиков ритмично ударяют касками о брусчатку мостовой. Звучат свистки. Через мегафон декларируется: "Президента - в отставку!", "Правительство - в отставку!", "Ельцина - под

суд!". Периодически все скандируют: "Боря - уходи! Россию - не губи!" и "Пока мы едины - мы непобедимы!". Шум до неба. На мосту говорят, что от стука "мороз по коже".

Впечатляла грандиозность целей, поставленных пикетчиками. Горняки стучали, чтобы их услышала власть и сама добровольно сдалась. Но безмолвны были стены и окна Белого дома. Казалось, до них, как до неба. И поставленная пикетчиками цель - мирно сбросить Президента - выглядела как штурм неба. И вторая цель - достучаться до народа - была не легче первой. Можно сказать, что шахтеры настроились на двойной штурм. Я сталкивался с НППР и ощущал, что только этот профсоюз мог замахнуть на такое.

"Мы выступаем за всю Россию"

Первый отмеченный мной момент состоял в том, что на этот раз шахтеры НППР выступили за всю страну. Известно, какую роль в судьбе России сыграли шахтерские выступления в 1989-91 гг. Тогда сформировался НПП, наиболее боевой и прогрессивный профсоюз. Затем шахтеры связали свою судьбу с демократами, с Ельциным, поддержали их, соглашались "потерпеть", имели особые отношения с правительством, Президентом. НПП - самый антикоммунистический профсоюз - был связан с "демократами" больше всех.

Но горняки убеждались, что "жестоко ошиблись". К пониманию шли годами. "Пошли задержки зарплаты, реструктуризация отрасли вылилась для нас в закрытие шахт, обнищание. Жизнь оказалась даже хуже, чем при старой системе".

Горняки стали "рвать пуговину" с установившимся режимом. И вот теперь эта ударная сила выступила против "своей" власти, бывшего кумира. Из интервью: "Я за Ельцина с 89-го по 96-й горой стоял. Теперь понял, что он развалил Россию".

Объявив войну режиму, шахтеры выступили с широких позиций. Они "убедились, что развал происходит не только на шахтах, везде - в промышленности, сельском хозяйстве, медицине..." "Мы же все это видим. Стало ясно, что в стране все творится не так. Всем плохо - и шоферам и ученым". Пришло понимание, что бороться за свою отрасль и только своими силами неверно и невозможно. Поставленная цель требовала объединения сил. "Мы не такие наивные, чтобы надеяться только на себя. Всю страну надо поднимать". Шахтеры были воодушевлены широтой поставленной цели, своими выступлениями "за весь народ".

Шахтеры сняли пикет, заявив, что его задачи решены. Значит во всей России произошли благоприятные перемены? Закончился развал промышленности и сельского хозяйства, хотя бы угледобывающей отрасли? В искренности говоривших я не сомневаюсь. В качестве результата лидеры называют соглашение с правительством, по которому дотируются северные надбавки, составлен график погашения задолженности по зарплате, первые деньги поступили в Воркуту. Выходит, своя рубашка оказалась ближе к телу? И солидаризация с народом была ситуационной? Или действовало просто коллективное заражение патриотическим настроением? Эмоциональная атмосфера пикета предрасполагала к этому.

Руководители НПП в заявлении "О приостановке акции протеста на Горбатом мосту" говорят, что удалось кое-что сделать и для всей России: "Удалось разбудить совесть народа", "один из главных виновников развала финансовой системы и экономики не смог вернуться на пост премьера" (о Черномырдине). О нем было сделано специальное заявление, формулировки которого не отличались мягкостью. И шахтеры считают, что заявление сработало, хотя об этом никто не говорил. "Началось широкое движение общественных сил и политических организаций. Гос. Дума начала процесс импичмента Президента РФ. ФНПР и ее членские организации поддержали наши политические требования..." и теперь выходят на Всероссийскую акцию 7 октября.

Что же - шахтеры сдержали свое слово?

"Терпеть больше не можем!"

Поворот в позиции горняков и их выступление с пикетом у Белого дома были вызваны прежде всего бесконечными беспросветными лишениями шахтеров, их семей, наступлением предела терпению.

Даже официальные оптимисты признают, что подавляющая часть народа бедствует в тот период, который одни называют переходом к демократии, другие - геноцидом народа. Но горняки оказались наиболее страдающей частью народа. Взять воркутинцев, инициаторов пикета в Москве. Задержки заработной платы составляют 7 месяцев. К ним привыкли. Но что они конкретно значат в условиях полярной Воркуты?

"Нет денег на самое необходимое. Продукты приходится брать под запись в шахтной лавке. А там цены в 2, в 3 раза дороже. Эту лавку содержит сын директора. В других регионах, знаем, картошкой перебиваются. У нас ничего невозможно вырастить - мерзлота. Приходится просить денег у родителей-пенсионеров, которым мы сами должны помогать. А у них пенсия известно какая. Стыдно. Дома жена осталась с двумя детьми. Сын мне как-то говорит: Что, папа, помирать будем? - Что ты, сынок?! - Ты же денежки не получаешь. В глаза детям смотреть не могу, никому не хочется, чтобы они чувствовали себя ущемленными. В одной семье сын-школьник повесился, оставил записку: "Мне надоело слушать ваши с мамой ссоры из-за денег..." В другой семье сам отец не выдержал - обвязал себя взрывчаткой. У нас трое покончили с собой. Мы — рабы, скоты. Раба и то хозяин кормит. Так больше жить нельзя!"

Людей угнетает бесперспективность. Из интервью: "Мы потерпели бы, если бы правительство сказало, что через год, два, три жизнь изменится, и каждый год отчитывалось бы, что сделано. А сейчас светит только закрытие шахты и перспектива остаться совсем без работы. Шахту закрывают и тебя закрывают как ненужный элемент. Переквалификация, переселение - это только на бумаге, а на практике поселок бросили на произвол судьбы и людей тоже". Молодой шахтер: "Говорят, сейчас время молодых. Шахты закрываются, промышленные предприятия закрываются, рабочих мест нет - что мне делать? У нас задолженность с 95 г. Прихожу к начальнику: Выпиши 200 рублей, крайне надо. Он: Денег нет. Если не нравится, не держу, пожалуйста, подпишу увольнение".

И все это при известной опасности работы горняков. "Опасность работы растет. Шахтеры гибнут. Там - 61, здесь 25, 18 погребены навечно в шахте. Отчисления на технику безопасности мизерные. Спускаешься в шахту и все чаще думаешь, что, может быть, в последний раз видишь небо, жену и детей... После гибели 27 человек на "Центральной" больше 40 детей остались сиротами".

Шахтеры остро ощущают кричащий контраст между роскошью новой элиты и их нищенским существованием. Это не чувство зависти, которое им приписывают. Из интервью: "Шахты закрываются, а особняки растут. В Москве шикают, а в регионах люди на картошке сидят. Мы не против богатых. Мы против бедных. Пусть строит, на Канары ездит, три любовницы имеет. Но дай жить шахтеру. При невыплате зарплаты по полгода нагло не постеснялись напечатать список богатых с состоянием в миллиарды долларов...".

"Мы дошли до крайней точки. Всему есть предел. Все время давали обещания, говорили: Потерпите, мужики, потерпите. Вот и дотерпелись. Хватит!"

Устами шахтеров говорила, кричала бедствующая часть народа.

Но что изменилось, если пикет сняли? Шахтерам не нужно больше страдать и терпеть? Или терпеть еще можно? Даже после финансового кризиса, уменьшившего реальные зарплаты и пенсии, как минимум, вдвое?

Дело не в этом, говорят пикетчики. Беспредел не кончился. "На глазах у всего мира население России было ограблено еще раз". Но появился свет в конце туннеля. "Начавшийся диалог с властью и достигнутые договоренности... дают шанс к восстановлению доверия населения к власти".

Выходит, наличие перспективы способно смягчить лишения, и шахтеры способствовали ее появлению?

"Мы будем стоять до конца!"

Горняки оказались не только наиболее страдающими, но и самыми несломленными, способными действовать сообща. Они как бы взялись протестовать за всех.

Бедствуют не одни шахтеры. Тяжелое положение у текстильщиков. Но большинство рабочих психологически подавлены, деморализованы. Действует парализующий страх перед новыми хозяевами, пресловутая терпеливость, согласие "жить на картошке", неверие в возможность что-то изменить, "вхождение в положение начальства" и главное - дефицит солидарности. Даже рабочие Кировского завода (в Питере), с которыми приходится общаться, и могучий голос которых, по высказыванию С. Кирова, был слышен во все решающие моменты рабочего движения, сегодня молчат. Как и шахтеры, они недовольны порядками в стране. Но резкий протест не переходит в практические действия.

На шахтеров давят обстоятельства. Почти вся отрасль объявлена нерентабельной, бесперспективной. Борьба против этого - как будто означает борьбу против экономического прогресса. Горнякам постоянно приводят в пример цивилизованные страны, Англию, где практически прекратили добычу угля. Шахтерам знакомо выживание за счет огородов, они прошли страдательные формы борьбы. И все же сохранили энергию для активных выступлений. Сами они объясняют это характером своего труда и условиями жизни. "У нас такая тяжелая работа, что без сплоченности просто не выжить. Если со мной что-то случится, я знаю, что меня выручат. Меня два раза засыпало, ребята откапывали. И здесь мы держимся на солидарности".

Я убедился, что важнейшую роль играет крепкая организация профсоюза. Если питерские рабочие от профсоюза (традиционного) отчуждены, то здесь ему полностью доверяют, считают своим. Это действительно рабочая организация. Не последнюю роль играет активность, подготовленность лидеров. Они сами мыслили по-государственному и такой же подход формировали у членов организации.

Эпизоды "рельсовой войны" в Кузбассе показали, что горняки готовы к решительным методам борьбы. "Мы будем стоять до конца!" - эти слова я слышал от каждого, с кем довелось беседовать, - от председателя НПП до рядового пикетчика на Горбатов мосту. "Здесь те, кто готов добиваться цели несмотря на угрозы, физические страдания. У нас иного выхода нет. Мы не можем вернуться в Воркуту ни с чем. Когда нас провожали, давали наказ стоять до конца. Пришел предел терпению. Чем дальше, тем больше мы вращаемся в Горбатый мост. Хотя говорят, что со дня на день всякое может случиться. Но мы не боимся никого. У нас обратного билета нет. Хотя и здесь - не сахар..." "Стоим с 11 июня. Будем стоять в сентябре. В декабре стоять. Померзнем, заболеем, погибнем, но будем стоять".

В том, что на мосту "не сахар", я мог убедиться лично. В рекордную для Москвы жару на совершенно открытом мосту, на каменной мостовой от солнца некуда скрыться. Единственное укрытие - полиэтиленовая пленка. На солнце под ней выше 60 градусов. Когда зарядили беспросветные дожди и температура по ночам падала до 5 градусов, под пленкой, лежащей прямо на людях, не было спасения от холода и сырости. К осени условия стали совсем суровыми. К физическим лишениям добавлялось ожидание дня и часа "икс", когда власть соберется предпринять решительные меры. 93-й год перед этим же домом показал, какими они могут быть.

Впечатляло единство. Это не группа, организованная и поставленная лидерами. Каждый был проникнут решимостью.

Очевидно, власть, да и многие люди, - писал я, - не отдадут себе отчет, что значит этот момент. Это не то, когда достаточно было послать Чубайса с обещаниями или выслать в шахтерские регионы сумму денег. Это даже не шахтеры 1989-91-х годов. Сегодня эти люди готовы ко всему.

Дело не в московском пикете. Обманчиво впечатление, что все дело в горстке людей перед Белым домом. За спинами пикетчиков тысячи товарищей на местах. Они напряженно наблюдают за тем, что происходит в Москве, и готовы выступить в поддержку. "За каждым из нас стоит трудовой коллектив. Незримо здесь присутствуют тысячи, миллион. Мы обсудили в бригадах, на участках. Выработали общие требования. Собрали деньги сами рабочие и нас отправили. В поддержке своих мы уверены. Если я приеду на шахту и скажу: Мужики, пора! - все поднимутся". Пикетчики уверены, что выражают решимость не только шахтеров, но и всего народа.

Когда пикет сняли, я допытывался у организаторов: сами, добровольно сняли или пришлось уйти? Последнее было бы понятно. Даже если не трогают, в конце концов сами люди не железные, сидеть на голом мосту в осенние дожди и ветер... не война же сейчас! Или убедились, что власть не проймешь и добиться изменений, которые требовали пикетчики, вообще невозможно. Но в том-то и дело, что шахтеры отступили сами, объявив ретираду победой.

Одна из гипотез здесь - выступление рабочих оказалось игрушкой в руках профлидеров, ведущих непонятные игры. Пикет, например, должен был быть свернут до 7-го октября, чтобы не участвовать в акции ФНПР, не идти вместе с коммунистами, хотя простым участникам акции это было непонятным и выглядело как обособление шахтеров. Собственно, решение о закрытии пикета не было решением самого пикета, пикетчиков пришлось долго убеждать. Пикет был орудием руководства профсоюза, исполком его открыл, он его и закрыл. Политическое рабочее движение, "Горбатый мост" - типичные структуры, которыми обзаводятся лидеры, готовящиеся к хождению во власть...

Но лидеры утверждают, что снятие пикета не было бегством или демаршем в политических играх. Во-первых, он выполнил свои задачи. Начались реальные изменения, о которых чуть дальше. Да, пикетчики говорили: "Мы же требовали отставки Ельцина, как же мы уедем?" Им разъясняли, что Ельцин уже отодвинут, ни на что не влияет, и его отставка не имеет значения. Во-вторых, снимается лагерь на Горбатом мосту, но не снимается наблюдение за происходящим в стране. Из заявления: "Сегодня мы внимательно наблюдаем за теми шагами, которые предпринимает правительство Е.М. Примакова". Не снимаются политические требования. Из заявления: "Мы не снимаем своих политических требований - досрочные выборы президента и скорейшее проведение конституционной реформы". "Мы требуем от Правительства сделать все для предотвращения неуправляемых социальных потрясений..." - и др. "Но главное, чего мы требуем от нового Премьера - поставить заслон коррупции... Шахтеры поддержат самые жесткие меры, направленные против ограбления народа". "Мы снимаем пикет на Горбатом мосту... чтобы дать правительству Примакова возможность реализовать достигнутые договоренности и попытаться исправить положение в стране".

Горняцкий пикет как бы продолжает стоять: если понадобится, он может появиться в любой день: шахтеры "готовы продолжить борьбу в новых формах уже в ближайшее время, если социально-экономическое положение горняков не исправится существенно".

"Надо менять всю жизнь"

Следующая предпосылка нынешнего выступления горняков, писал я, - изменение их представлений о целях борьбы, выросшее понимание, что частными мерами проблем не решить, дело в общей политике, режиме в целом. Шахтеры убедились, что их усилия по выбиванию задолженностей зарплаты, средств на реструктуризацию, даже перекрытие трасс (которые и им даются очень тяжело, с огромным напряжением) не приводят к изменениям. "К нам приезжают деятели из Москвы, дают обещания, подписывают правительственные протоколы, мы начинаем работать... а завтра то же самое. Говорят, что деньги выделяют. Но до нас они либо не доходят, либо местное начальство пускает их черт знает на что. Что это за правительство, которое не может

проконтролировать свои деньги?!" "Нам не нужны уже эти деньги! Не нужно это правительство! Обещаниями мы сыты по горло! Чем дальше реформы, тем беднее люди".

Сформировалось общее убеждение, что менять надо все: систему власти, экономику, идеологию, в первую очередь - промышленную политику. Угольная отрасль может быть рентабельной, если дать ей возможность модернизации. Это правительство - нерентабельное предприятие, считает председатель НПГ. Начинать надо со смены президента; он задает курс, формирует правительство, является гарантом конституции. Как гарант он не обеспечил соблюдение прав рабочих и всех граждан. Добровольная отставка президента - это не дежурное требование. У шахтеров оно было глубоко продумано, выстрадано. Без смены президента невозможны изменения в политике. Из всех регионов привезли это требование. Сказалось, видимо, разочарование шахтеров в бывшем кумире. "Только отставка! Никаких компромиссов! Два раза мы с ним пролетели. Надоело! Хватит!".

Важна, что здесь случай не ожидания хорошего царя, скорее отвержения всякого царя. Отставка президента - только первый шаг. За ним должно последовать изменение конституции, системы власти, управления экономикой на федеральном и на местном уровне. Может быть даже созвать учредительное собрание, провести референдум...

Впечатляли решимость, упорство горняков и их государственный подход к проблемам страны, не только лидеров - пикетчиков. Они говорили, что им приходится все время размышлять о том, как дальше жить, они постоянно общаются и обсуждают насущные проблемы и уверены, что выражают настрой "всего простого народа", "не какой-то политической партии, а именно народа". Это похоже на правду.

Конечно, сложным являлся вопрос, как контролировать ситуацию, если изменения и события начнут развиваться в ускоренном темпе. Это горняки понимали и надеялись, что контроль будет осуществлять весь народ.

Когда пикет сняли, я стал мысленно искать - что из "всей жизни" изменилось в соответствии с заявкой горняков? Получалось, что только одно - пообещали выплатить злополучные задолженности по зарплате. Выходит, достаточно одного этого? Не "обеспечить нормальную зарплату", а лишь отдать заработанное, чтобы погасить мощный протест решительно настроенных на переделку всей жизни? В другом месте я называл это ситуацией выдрессированного рабочего движения, которому достаточно бросить кость. Одной из побед шахтеры считали почему-то признание правительством своей ответственности (в понимании горняков - вины) "за Часть задолженности по заработной плате работникам угольной промышленности" (из соглашения). Возможно, это имеет какое-то моральное значение, тешит чье-то самолюбие... Но является ли залогом, что будет меняться "вся жизнь"?

Лидеры убеждали, что эта заявка не повисла в воздухе. Для самих горняков подписанное с правительством соглашение совсем не такое, какие подписывались раньше. Есть убеждение, что деньги дойдут до шахтеров. Объем финансирования позволяет погасить всю (!) задолженность и нормально платить впредь, при этом не за счет врачей, учителей и др. бюджетников, в чем упрекали шахтеров. Это очень большая победа! На такое они не рассчитывали. Кроме того, новое правительство обязалось погасить свои долги вообще и провести "мероприятия по разрешению кризиса неплатежей, повышению эффективности управления собственностью, устранению недобросовестных посредников, - позволяющие начать погашение другой части задолженности по заработной плате и своевременно выплачивать текущую заработную плату". "Правительство РФ разрабатывает меры по механизму компенсации с 1 января 1999 г. дополнительных расходов населения в связи с ростом потребительских цен". "Наша задача - проследить за реализацией достигнутых договоренностей" (из заявления НПГ и соглашения с правительством). Свидетельством выполнения этих установок могут служить меры, встретившие аплодисменты совещания промышленников. Выходит, лед тронулся, и шахтеры подтолкнули процесс?

Авангард

На основании летних впечатлений я заключал, что горняки, объединенные профсоюзом НППР, оказываются передовым отрядом шахтерского и всего рабочего движения России конца 90-х гг. При этом авангардом как по сплоченности, организованности, решительности, так и по сознательности. И они ощущают эту нелегкую миссию. "Если не мы, то кто же?" - говорили они.

Этих шахтеров надо отличать от всех других. Кроме НППР существует Росуглепроф, традиционный профсоюз, борющийся пока за частные цели, хотя и в острых формах. Так, рельсовая война в Анжеро-Судженске организована в основном Росуглепрофом. Но главная ее цель - погашение задолженности по зарплате. Добившись подписания правительственного протокола, шахтеры сняли блокаду Транссиба, но вынуждены были снова идти на рельсы, увидев, что условия не выполняются.

Разрозненность ослабляет шахтерское движение. Возможно, шахтеры созреют до понимания, что отдельные достижения не меняют ситуацию в целом. Во всяком случае анжеро-судженцы второй выход на рельсы предприняли и в поддержку пикета в Москве.

Стоит отметить, писал я, что авангардную роль НППР в самой значительной степени обеспечивают его лидеры, спаянные, держащиеся вместе. Но после закрытия пикета выходило, что авангарда в рабочем движении не было и нет? НППР в лучшем случае может считаться передовым отрядом в своей отрасли, как добившийся наибольших денег для своих.

Если учесть то, что горняки сделали для России - заявили громче и острее всех, готовы были до конца стоять, собираются и дальше контролировать ситуацию? Тогда они останутся авангардом, возможно - своеобразным, но все же передовым отрядом?

Услышит ли власть подземные толчки?

Особенно мое внимание привлекали отношения шахтеров с властью и народом. Известно, перед началом землетрясений, извержений вулканов из недр земли поступают сигналы, глухие подземные толчки, предвестники бедствий. И дело только в том, чтобы вовремя принять соответствующие меры. Выступление горняков в Москве можно было уподобить подземным толчкам из толщи народной жизни, предупреждающим о возможных потрясениях. Для улавливания этих сигналов не нужны особочувствительные приборы. Стук касок, кажется, доносится до неба.

Как будет дальше развиваться ситуация - зависело от центральной власти, ибо горняки апеллировали к ней. Услышит ли она подземные толчки? Поймет ли, что пикет не рассосется сам собой?

Речь шла о двух сценариях (путях) разрешения ситуации - мирном или напоминающем 1917-й год. НППР, предчувствуя возможность стихийного взрыва (хотя бы среди шахтеров), хотел бы предотвратить его. Опасения профсоюза не беспочвенны. Из Воркуты и Инты готовы были выехать к Белому дому не 200, а 500 и более человек, в Кузбассе была "массовая готовность к походу на Москву", сидящие на рельсах Транссиба тоже могли перекинуться на блокирование трасс вокруг столицы. Призывы к всеобщему блокированию магистралей звучали. Профсоюзу удавалось удерживать стихийные выступления, но при условии, что пикет в Москве добьется изменения без применения крутых мер.

Горняков обвиняли в экстремизме. На самом деле все обстояло наоборот. "Власть пугает обывателей нами как радикалами. Хотя даже Анжерка хочет одного: Порядка! Нормального порядка в стране! Разве требование выплатить задолженность за 9 месяцев - экстремизм?!" "Мы видим задачу в том, чтобы мирным, конституционным, цивилизованным путем добиться отставки президента, внести изменения в конституцию с целью перераспределения властных полномочий, усиления контролирующих функций представительных органов, и дальше развернуть работу по выводу страны из

кризиса. Одна из задач - не допустить использование шахтерского взрыва партиями и движениями в своих узких целях. Шахтеры выражают идею сохранения единства России, пытаются стать центром консолидации".

Реакция власти после месяцев пикета показывала, что она не слышит народ, а если слышит и видит, то закрывает глаза и затыкает уши. Это могло служить показателем ее неспособности адекватно реагировать и, значит, оправдывало требование отставки. Если не считать вечерний заезд на Горбатый мост Б. Немцова, которому шахтеры "доверяют на 15% - насколько он выполнил обещания", было только одно серьезное приглашение к министру экономики Я. Уринсону. Но и он политические требования рассматривать не стал. Горняки, в свою очередь, заявили, что не снимают их. На требование погашения задолженностей по зарплате и пресечения утечки капиталов за рубеж министр разводил руками и вопрошал: Где взять деньги? Как остановить утечку? - чем укрепил пикетчиков в убеждении, что "с этой властью разговаривать бесполезно". Премьер "не замечал" пикет, стоящий под носом у правительства. Президент, любивший под телевизионными камерами теплые встречи с шахтерами, встречался не с ними, а с "силовиками".

Насколько хватит терпения у шахтеров? - писал я. Прошли август, сентябрь - реакции властей по-прежнему не было, хотя шахтеры вели большую работу, чтобы выйти на контакты. Выходило, проявлялся вечный разрыв между властью и народом.

Но вдруг, к удивлению пикетчиков, после назначения премьером Примакова, правительство откликнулось, а перед этим откликнулся Совет Федерации. На письме о встрече премьер написал резолюцию: "Весьма срочно". И состоялись переговоры, закончившиеся подписанием соглашения.

Выходит, горнякам удалось добиться, чтобы их услышали?

Услышит ли народ свой авангард?

С властью тогда было все понятно. Пикетчики не строили особых иллюзий, понимая, что власть, очевидно, признает только силу и уступает только тогда, когда ничего другого не остается. А силой в данном случае мог быть только народ, ибо горняки не действовали заговорщицкими методами, а выступали от имени народа и на его поддержку рассчитывали.

Поэтому пикетчики хотя и стояли перед зданием правительства, приоритетной у них являлась ориентация на народ. Сами они говорили, что по поводу достижимости отставок "есть сомнения". Главное все же - "раскачать народ", "выразить общий интерес", "донести до масс: Так жить нельзя!" "Мы будем качать страну до тех пор, пока народ не прозреет", "мы стоим в пикете, чтобы граждане могли почувствовать ситуацию и использовать ее", "ситуация в обществе созрела и народ готов к радикальным действиям очень сильно".

Как ни решителен авангард, даже если он мобилизует целую отрасль - с поставленной задачей, очевидно, не справиться. Сам характер цели - "мирно", "конституционным путем", "от имени России" - требовал, чтобы субъектом был народ. Горняки хотели быть своего рода детонатором широкого выступления, а воздействие на власть произойдет уже "само собой". Стук касок предназначен был для ушей даже не столько правительства, сколько народа.

В отношениях: авангард - народ скрыт главный драматизм ситуации. Услышит ли народ свой передовой отряд? Поскольку шахтеры отождествляли себя с народом, вопрос можно было ставить так: услышит ли народ сам себя?

Пикетчики не столько добивались встреч с министрами, спикерами и т.п., сколько искали отклик у промышленных рабочих, различных профсоюзов, политических организаций, депутатов всех уровней и просто всех людей. Они писали обращения, выпускали газету "Шахтерский пикет", рассылали ее и обращения по регионам, заводам, даже по вокзалам развозили, старались проникнуть в средства массовой информации, посылали представителей в другие города "за подмогой", создали координационный

совет, призванный объединить политические партии, движения, организации. И стучали, стучали, стучали... Принималась поддержка в любых формах: телеграммы солидарности, заявления в адрес правительства, президента, федерального собрания, сбор средств, митинги и пикеты на местах, посылка представителей в пикет на Горбатом мосту и т.п. - но только в мирных формах.

В итоге все должно было вылиться в общероссийскую акцию протеста. "В тот день Россия должна заявить, что этот президент, это правительство нам не нужны. Показать президенту, что страна от него отвернулась, тогда все решится мирным путем. Пикетчики создали Всероссийский стачечный комитет для объединения "народных выступлений, всех трудящихся и обездоленных людей вокруг общей политической цели", объявили о создании политического Рабочего движения "Горбатый мост".

Солидарность проявлялась. Поступали телеграммы, заявления в поддержку шахтеров от профсоюза Кировского завода в Петербурге, от Ленинградской федерации профсоюзов. Прибыли и встали в пикет представители Металлического завода, АвтоВАЗа, московские студенты. Интервью с работниками Кировского завода показывали, что люди настроены на поддержку шахтеров. В Москве на мост стихийно стекалось немало народа: особенно трогательна забота пожилых женщин, приносивших чай, кашу, одеяла, одежду, опускающих в ящик деньги, оторванные от мизерных пенсий...

Все же это не выглядело поддержкой всего народа. Солидарность проявлялась в основном на словах. Так, упомянутая ЛФП заявление сделала, но собиралась ли предпринять практические действия? В поддержке своих на местах пикетчики были уверены. Но не оказывались ли горняки в изоляции, скомпрометированными в общественном мнении? Может быть достаточной была "молчаливая поддержка" народа?

Действовала, конечно, информационная блокада. Проправительственные СМИ замалчивали выступление НПГР. ОРТ в информационных передачах просто не упоминало пикет в Москве, словно его не было. Но дело, видимо, не только в этом. Не проявлялась ли некая глухота народа? Сколько нужно шахтерских касок, чтобы достучаться?

Отношения пикета с народом остались драматическими. Возвратившись в Петербург переполненный впечатлениями, зараженный настроением пикетчиков и стараясь донести этот настрой до питерских трудящихся, обратился на некоторые заводы, в областные комитеты профсоюзов, в ЛФП, в газеты. На одном заводе сказали, что на мосту был их человек и все рассказал, на другом, что время летних отпусков, народ не собрать. В обкомах профсоюзов выражали сочувствие, но на действия не подвигались, в Федерации зам. председателя сказал: сделано заявление, вопрос отработан. В газетах для шахтеров не нашлось места. Лишь один обком профсоюза рыбной промышленности собирался направить людей на Горбатый мост.

Лидеры шахтеров говорили: "если сейчас момент будет упущен и здоровая часть общества не объединится, Россию ждут тяжелые времена". Они были уверены, что по крайней мере молчаливая моральная поддержка им обеспечена. Это давало им силы стоять в пикете, ставшем исторической страницей российского рабочего движения.